

ХРИСТИАНСКАЯ СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Илья ЛИТВАК

СПЯЩЕЕ ЦАРСТВО

*и золотой
рожок*

Илья Литвак

Спящее царство и золотой рожок

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2003

ББК 86.372

Литвак И.

Спящее царство и золотой рожок / И. Литвак — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2003

ISBN 5-7789-0163-1

Эта книга является продолжением серии сказок про Тридевятое царство, а именно: «Иван-богатырь и царство обмана», «Чудесное путешествие» и «Мальчик Никита и золотой змей». Вот и все, что я хочу сказать в своем предисловии, потому что я с детства не люблю читать предисловия, а люблю читать сами сказки.

ББК 86.372

ISBN 5-7789-0163-1

© Литвак И., 2003
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2003

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Илья Литвак

Спящее царство и золотой рожок

По благословению епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана

Было то или не было

Предисловие

Эта книга является продолжением серии сказок про Тридевятое царство, а именно: «Иван-богатырь и царство обмана», «Чудесное путешествие» и «Мальчик Никита и золотой змей». Вот и все, что я хочу сказать в своем предисловии, потому что я с детства не люблю читать предисловия, а люблю читать сами сказки. Так что перехожу сразу к делу. Итак...

Глава 1

В которой мы знакомимся с простым человеком Матвейкой и не только с ним

Было то или не было, это как хотите: хотите – верьте, а хотите – не верьте. Я с вами спорить не буду. Только если бы всего этого не было, я и писать бы не стал. С чего это про всякие небылицы рассказывать?

Жил в Тридевятиом царстве в тридесятном государстве один человек, звали его – Матвеем. Тридевятиое царство надо сказать и славилось всегда не звонкой монетой и не ленивыми мужиками, что на печи лежат и пятки чешут, хотя таких в то время в Тридевятиом царстве было великое множество. А славилось Тридевятиое царство такими вот людьми как Матвейка – совсем простыми. Вот в этом то и соль, что проще – некуда!

Роста он – самого обыкновенного. Лицо у него ясное да улыбочливое – тоже ничего особенного, мало ли таких людей? За поясом топор – всегда при нем, потому что от работы не бежит, а работы ищет. И работы много, очень много – хоть отбавляй. У кого крыша прохудилась: «Матвей – почини!» У кого крыльцо расшаталось, и это Матвей поправить может. Дрова нарубить – пожалуйста. Забор покосился – тоже несложно. Все может Матвей и починить и поправить, потому что работник он знатный и умелый.

По деревням в то время во многих дворах старики кто глазами ослабел, у кого руки уже не так крепко инструмент держат. Ну бабы – понятно, с них какой спрос? Их дело – пироги печь да за детьми смотреть. А молодой хозяин?.. Так он же на печи лежит, пятки чешет. Ему с печи и не слезть – там тепло, и счастье ленивое ловить сподручно.

Так что Матвей во дворе с топором трудится – тихо так, хорошо...

Так что Матвей во дворе с топором трудится – тихо так, хорошо... все из дома ушли: кто в поле, кто скотину погнал. Один только какой-нибудь к примеру Семен в доме остался и, пока не заснул счастливым сном, на Матвея из окна покрикивает:

– Ты, слышь, давай работай на совесть! А то ничего за работу не получишь. Какая работа – такой тебе и заработок...

Зевнет и заснет, ну это и к лучшему. Пусть лучше спит, чем покрикивать и работе мешать.

А за работу Матвейка ничего не брал. Как хозяйева ему денег всучить не старались – все без толку.

– Спасибо скажете, хлеба краюху дадите – и то ладно. А если на ночлег в амбар или хлев пустите, тут и я вам спасибо скажу.

Вот и весь разговор – просто и ясно. Такой уж простой-препростой человек был Матвейка. Простой-препростой, да вот ещё – «такой-эдакий!» Молчал почти всё время. Всё «Да» и «Нет» – весь ответ. Улыбнется в конце работы, рука об руку похлопает, пыль и стружку о штаны стряхнет, «Спасибо» скажет – и слова из него не вытянешь. Иногда шепчет чего-то, а чего – не слышно. Шепчет и улыбается.

Бывало, правда, он все-таки говорил. И если уж говорил, так не спроста, а по особому случаю. Раз он Василию рыжему, у которого изба на краю деревни, сказал:

– Ты, Василий, завтра в поле не ходи – дома сиди.

Ну с чего это Василию дома сидеть, когда самая пора хлеб убирать?

– О! Немой заговорил! – загоготал Василий в ответ да так в избу и ушел.

А на следующий день и сам в поле отправился, и жена, и невестка и дети – за взрослыми колоски подбирать, к работе приучаться, чтобы в папу своего – Семена ленивого, не вырасти. А папа их Семен конечно в доме остался.

Все встали рано, печь затопили, кашу сварили, сами поели, Семена покормили и в поле ушли. В поле ушли, а в печи угли красные остались.

И надо же такому случиться, что искорка одна – самая малая, через дымоход вылетела и на крышу упала. Упала и не погасла. Запылала крыша ярким пламенем. А под крышей – Семен спит, в ус не дует. Ни в ус не дует, ни в бороду. А дует он вверх, посапывая, и дутьем своим пылающей крыши ему не загасить конечно.

И сторел бы дом вместе с Семеном, если бы не соседка. Прихворала она – осталась дома. Увидала, что крыша горит – крик подняла. Все, кто был в деревне, сбежались. Немного их было, но уж сколько было, столько и было. Хорошо, что хоть столько, и еще хорошо, что Матвей среди них был.

Из избы сонного Семена под руки вывели. Матвей же забрался по лестнице на самый верх и руками голыми крышу всю раскидал. Руки обжег так, что долго потом работать не мог. Ну да Василий – надо отдать ему должное, в благодарность за живого семена (все-таки сын родной, какой-никакой – а сын) и за спасенное добро две недели Матвейку кормил и кормил хорошо. Не смог Матвей отказаться на этот раз и краюхой хлеба обойтись. И спать матвея укладывали не в амбаре и не на скотном дворе, а в избе. Даже на печь положить хотели, но тут уж Матвей воспротивился – Семена тревожить не хотел. Да и Семен не хотел, чтобы его тревожили.

Так что на печи как всегда Семен спал, а Матвей – хоть и на полу, зато на толстом соломенном тюфяке.

С тех пор если уж Матвей кому говорил чего, никто не смеялся, а внимательно слушал, чего он скажет, и выполнять старался. А говорил Матвей не всегда просто, хоть и простой человек был. Бывало, как скажет, так сиди потом и думай – к чему бы это?

Вот сказал к примеру Гавриле (это тоже такой мужик был в той же деревне откуда родом Василий):

– Петух-то твоей ночью кукарекает – там, где кони пасутся.

«С чего это петуху с конями кукарекать?» – думал Гаврила. – «Да еще ночью. Ночью петухи спят!» Думал-думал, так ничего и не придумал. Но на всякий случай этой ночью спать не стал, взял палку и сел возле курятника.

Ночь на дворе. Тихо. Кроме месяца – никого.

Гаврила сидит, носом клюет, но палки из рук не выпускает, а за спиной у него в курятнике куры кококают¹. Может им снится чего – не знаю. А Гавриле в ту ночь снился страшный сон. Будто сидит он, прислонившись спиной к курятнику. За ним за стенкой куры со сна чего-то на своем курином языке кококают. Тихо. Один месяц светит. Больше – никого...

И вдруг над оградой в свете месяца появляется чья-то голова и смотрит прямо на курятник. Смотрит она на курятник, причем очень подозрительно смотрит, как-будто хочет из курятника...

Открыл с перепугу Гаврила глаза. Протер их со сна и видит: над оградой не одна голова, а целых две, и очень лохматые. И смотрят они подозрительно на его курятник, так – как-будто хотят из него не только петуха выкрасть, но и всех кур да еще с яйцами впридачу.

– Караул! – завопил Гаврила что было мочи и замахал палкой.

Две головы скрылись, послышался поспешный топот двух пар ног и цокот лошадиных копыт. А потом зашлепали двери, в соседних домах загорелся свет, к Гавриле сбежались люди и из его сбивчивого рассказа поняли, что Матвейка опять предсказал. На этот раз кражу петуха вместе со всем куриным семейством. Так-то.

Получается, что и простой человек был Матвейка, такой, что проще и некуда, а на деле – вовсе и не простой, а совсем особенный.

¹ *Кокóкают* – тоже, что и кудахчут или квохчут (перевод с языка Тридевятого царства).

* * *

И вот однажды случилось вот что. Рубил Матвейка дрова и вдруг остановился, с его лица сбежала улыбка, чего с ним никогда раньше не было. Потемнел он весь, словно тень от грозовой тучи на него нашла. Даже волосы его светло-русые – и те, казалось, потемнели.

Посмотрел он вверх. Покачал головой горестно. Потом посмотрел на запад, за лес, за который всегда солнце закатывалось. Опять покачал головой, бросил дрова – как есть бросил, даже не стал до конца рубить. Сунул топор за пояс и, не сказав ни слова, зашагал на восток – в сторону деревенских полей.

Никто ничего не понял. Разве что – Матвей ушел, и это не спроста. И то, что помрачнел он – тоже не спроста. И то, что на небо смотрел и за лес и головой качал горестно – тоже не спроста.

– Кажись, быть беде?.. – спросил Гаврила. И к сожалению оказался прав.

* * *

Сначала, откуда ни возьмись, понабежали на небо облака – солнце закрыли. А за ними из-за леса приползла тяжелая черная туча. Ухнула она громом, гулко ухнула – так что эхо по деревьям прошло, и в лес улетело и в лесу потонуло. Потом молнии зыркнули, дырки в туче проделали. И через дырки эти полил дождь, и лил он не день, не два – а целую неделю. А когда он кончился, и первые люди повылезали из домов на грязные от дождя и сырости дворы, то увидели, что далеко за лесом к небу тянется множество тонких серых дымков – такие бывают, когда жгут костры. А когда узнали жители деревни, кто вокруг этих костров греется, тут и поняли, почему горевал Матвейка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.